

О.Н. Корочкова, Н.В. Федорова

Уральский федеральный университет
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002
Научный центр изучения Арктики
ул. Республики, 20, Салехард, 629008
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru;
mvk-fedорова@mail.ru

КЛАДЫ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: СОСТАВ, КОНТЕКСТЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализ различных контекстов, состава и датировок позволяет усматривать общие и специфические черты динамики кладовой традиции в лесостепном и горно-лесном Зауралье, Среднем и Нижнем Приобье в эпоху бронзы и раннем железном веке. Ярко выраженный тотемный характер первых депонированных собраний II–I тыс. до н.э. соответствует иррациональному отношению к металлу на первых порах его внедрения в культуру населения. Обычай отчуждения металла в погребальную сферу также коррелируется с малым количеством кладов в лесостепном и степном регионах и является своего рода универсальным признаком. К рубежу эр в западно-сибирской тайге происходят существенные перемены, вызванные становлением оленеводства, пушной торговли, новых коммуникационных коридоров. Клады этого времени, ориентированные на сокрытие престижных и ценных вещей, включают импортные предметы прикамского, причерноморского и южно-европейского, а также ближневосточного — бактрийского и парфянского производства. «Оружейные клады» второй половины I тыс. до н.э. передают основные приоритеты эпохи, связанные с формированием военной верхушки и особым статусом военных занятий, отражают нарастание военной напряженности, обусловленной борьбой за контроль над промысловыми территориями и торговыми путями. Символический характер основных предметов кладов указывает на их невозвратность, а утилитарный, в нашем случае оружейный, говорит об их возвратности и ином уровне «отношений» человека с престижными предметами, собственностью. Если раньше они предназначались богам, то теперь — человеку, что является показателем существенных перемен в стратегиях жизнеобеспечения, социальном устройстве, мифологии и мировоззрении человека дописьменной поры севера Западной Сибири.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, эпоха бронзы, ранний железный век, тотемные клады, оружейные клады, торговые клады.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028

Под кладами мы, вслед за авторами «Археологического словаря» [Брей, Трамп, 1990, с. 111], понимаем автономный набор предметов, преимущественно из металла, не относящихся к категории погребальных комплексов, спрятанных в земле в труднодоступном месте. Один из самых очевидных вопросов, возникающих при интерпретации кладовых комплексов, заключается в понимании причин сокрытия и выведения из обыденной жизни большого количества ценных металлических предметов. Возможные модели депонирования в продолжительной динамике бронзового — железного веков мы и попытаемся рассмотреть в нашей работе.

Территория, историко-культурный фон

Территория исследования включает лесостепное и горно-лесное Зауралье, Среднее и Нижнее Приобье (рис. 1). Это регионы, занимающие исключительное положение среди соседних зон присваивающей экономики. Отличительной чертой западно-сибирской тайги является обилие природных ресурсов. Они обусловили развитие высокопродуктивного хозяйства, основанного на стационарном рыболовстве в акватории малых и больших рек; охоты, которая приобрела к раннему железному веку в том числе характер пушного промысла; к рубежу эр в Субарктике происходит становление оленеводства [Гусев и др., 2016]. Эти обстоятельства обеспечили раннее и не характерное для присваивающих обществ формирование избыточного продукта, что послужило катализатором бурных процессов социальной дифференциации и милитаризации.

Иную модель демонстрируют археологические источники Среднего Зауралья. Здесь, в зоне, богатой медными месторождениями, в эпоху металла возникают самостоятельные горно-металлургические центры — коптяковско-сейминский эпохи бронзы [Савинов, 2013; Корочкова,

Спиридонов, 2015], иткульский раннего железного века [Бельтикова, 2005]. Их сложение и функционирование во многом было активизировано импульсами, которые исходили от соседних культур производящей экономики. В эпоху бронзы определяющее значение имели миграции на эту территорию носителей сейминско-турбинских традиций, а также интерес, проявленный к местным месторождениям со стороны групп степного населения андроновской общности. В раннем железном веке развитие иткульского горно-металлургического центра стимулировалось спросом на оружие у кочевников степной полосы. Особую роль играл «военный фактор». Уральские древнейшие центры производства были ориентированы прежде всего на изготовление оружия.

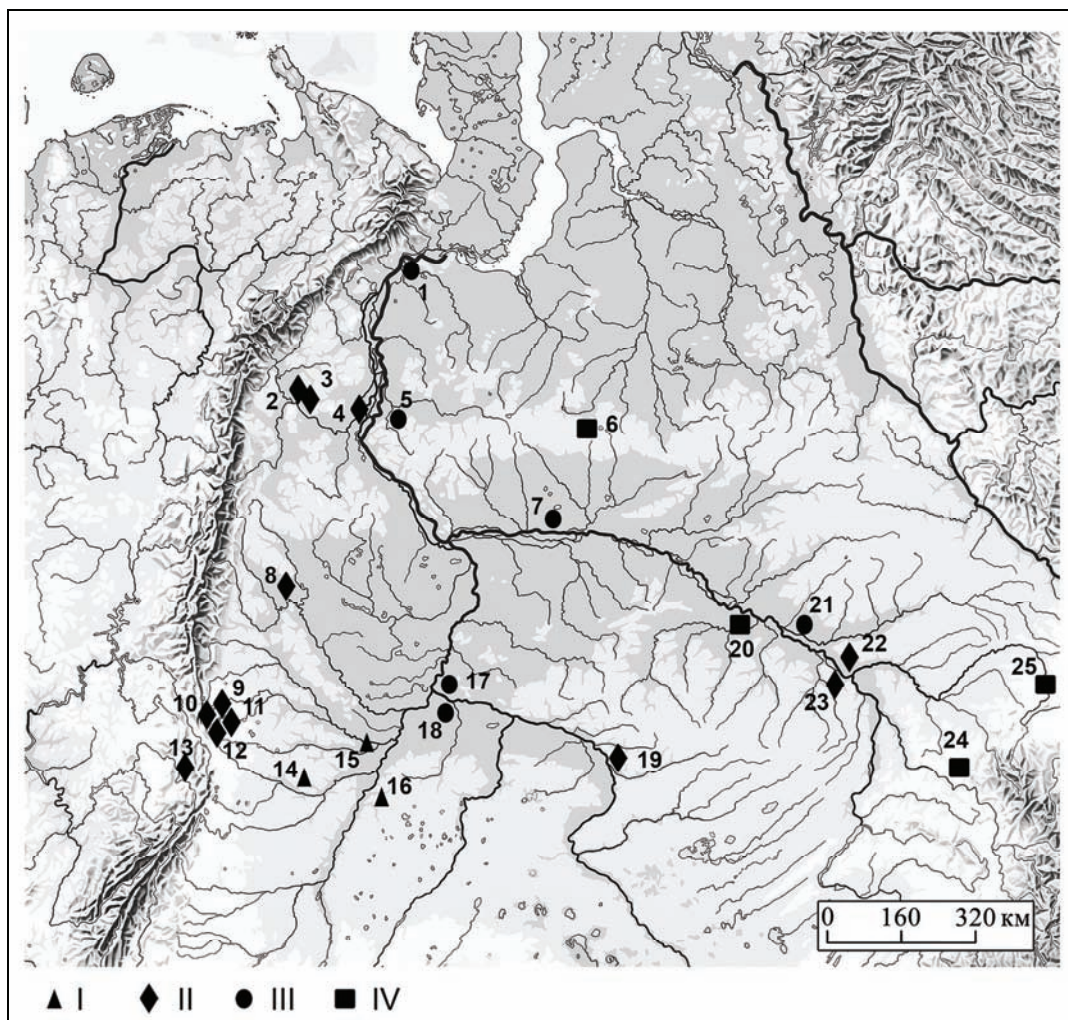

Рис. 1. Карта кладов Урала и Западной Сибири:

I — клады бронзового века; II — клады первой группы раннего железного века; III — клады второй группы раннего железного века; IV — клады третьей группы раннего железного века.

- 1 — Горнокнязевский клад; 2 — Йипыг-ойки; 3 — Вуграсян-Вад; 4 — Ус-Нел; 5 — Казымский; 6 — Холмогорский; 7 — Барсов Городок 1/20; 8 — Лозьвинский; 9 — Адуь-Камень; 10 — Азов-Гора; 11 — гора Малая (Палкинская); 12 — гора Караульная; 13 — грот Сухореченский; 14 — Прыговский; 15 — Андреевский; 16 — Гладунинский; 17 — Сузгунский; 18 — Истяцкий; 19 — Мурлинский; 20 — Парабельский; 21 — Пиковские находки; 22 — Саровское культовое место; 23 — гора Кулайка; 24 — Елыкаевская коллекция; 25 — Ишимская коллекция.

Fig. 1. Map of hoards of the Urals and Western Siberia:

I — hoards of the Bronze Age; II — hoards of the first group of the Early Iron Age; III — hoards of the second group of the Early Iron Age; IV — hoards of the third group of the Early Iron Age.

- 1 — Gornoknyazevo hoard; 2 — Yipyg-oyki; 3 — Vugrasyan-Vad; 4 — Us-Nel; 5 — Kazym hoard; 6 — Kholmogor hoard; 7 — Barsov Gorodok 1/20; 8 — Lozva hoard; 9 — Aduy-Kamen; 10 — Azov-Gora; 11 — gora Malaya (Palkino); 12 — gora Karaulnaya; 13 — grot Sukhorechenskiy; 14 — Prygovo hoard; 15 — Andreyeevo hoard; 16 — Gladunino hoard; 17 — Suzgun; 18 — Istyatsk; 19 — Murlino; 20 — Parabel; 21 — Pikovskiye nakhodki; 22 — Sarov sacral place; 23 — gora Kulayka; 24 — Elykayevo collection; 25 — Ishim collection.

Клады эпохи бронзы

1. *Андреевский клад*. Комплект из трех предметов попал в ковш экскаватора при выемке грунта на северном берегу Андреевского озера в Тюменской области [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 89]. В его составе — кельт, долото и массивный стержень с заостренным концом (рис. 2, А).

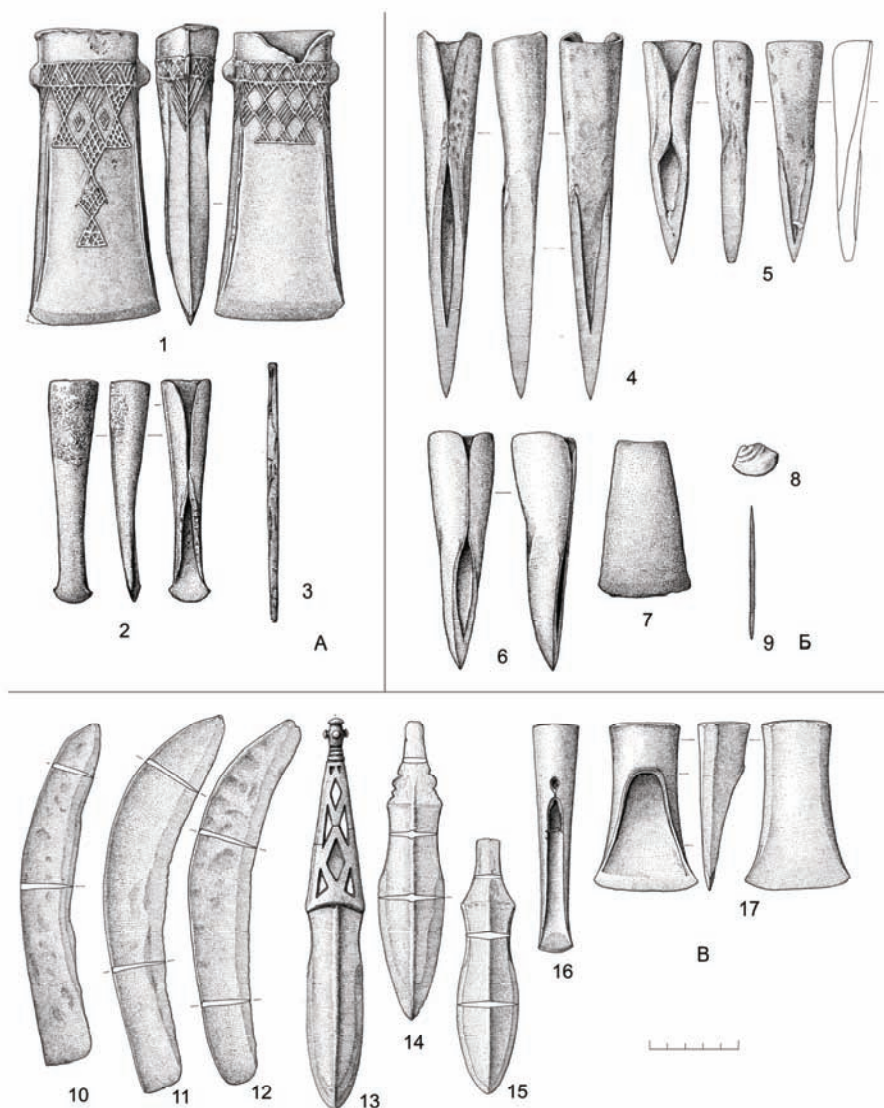

Рис. 2. Клады бронзового века:

А — Андреевский; Б — Прыговский [Корочкова и др., 2017, рис. 2]; В — Гладунинский [Корочкова и др., 2013, рис. 1, 2].
1–7, 9–17 — бронза; 8 — раковина.

Fig. 2. Hoards of the Bronze Age:

А — Andreevo; Б — Prygovo [Korochkova et al., 2017, fig. 2]; В — Gladunino [Korochkova et al., 2013, fig. 1, 2].
1–7, 9–17 — bronze; 8 — shell.

2. *Прыговский клад* [Корочкова и др., 2017] обнаружен на дюне в пойме р. Исеть около д. Прыгова в Курганской области. Представлял собой два автономных комплекта, закопанных в неглубокие ямки в 6 м друг от друга. Первый комплект включал два клиновидных орудия, вставленных друг в друга (рис. 2, Б — 4, 5). Второй — плоский топор-тесло, сломанное на две части шило, подвеску из створки раковины и массивное клиновидное орудие (рис. 2, Б — 6–9).

3. *Гладунинский клад* [Корочкова и др., 2013]. Восемь бронзовых и медных вещей обнаружены при расчистке окопа времен Гражданской войны около д. Гладунина Курганской области. Лежали на глубине 0,25–0,45 см в такой последовательности: сверху два ножа (рис. 2, В — 14,

15), под ними кинжал со сломанной пополам металлической рукоятью (обломок рядом) (рис. 2, В — 13), кельт (рис. 2, В — 17) и долото (рис. 2, В — 16), внизу три серпа (рис. 2, В — 10–12).

Типология предметов указывает на первую треть II тыс. до н.э. Это время в Зауралье характеризуют археологические памятники петровской и алакульской культур в лесостепной полосе и коптяковской в горно-лесном Зауралье. Клады абсолютно индивидуальны, но при этом их объединяют некие общие черты. В их составе присутствуют достаточно редкие для своего времени и своей территории изделия. Все орудия хорошей сохранности, а некоторые, похоже, даже не были в работе. Это солидные по урало-сибирским меркам собрания, составленные из металлоемких знаковых предметов той поры, которые имели высокую ценность. Комплекты не относятся к разряду наборов длительного накопления, составлены из вещей достаточно узкого хронологического горизонта.

Клады раннего железного века

В эпоху железа ситуация меняется кардинально. В настоящее время на исследуемой территории известно несколько десятков кладов (рис. 1). Они обладают весьма характерным составом и определенным хронологическим контекстом.

1. *Первую группу составляют «клады» так называемого культового литья* второй половины I тыс. до н.э. В ряде случаев им сопутствуют предметы вооружения — наконечники стрел, рубящее оружие. В горно-лесном Зауралье они представлены многочисленными находками иткульского типа. Назвать даже примерное количество подобных находок сложно, так как многие из них обнаружены случайно. По последним данным их количество приближается к 200 ед. [Чемякин, Кузьминых, 2011]. Достоверно известно, что некоторые из них представляли сложные комплекты, включающие собственно изображения (до 10–20), круглые бляхи [Викторова, 2004, с. 158–161]. Самые известные — находки с Азов-Горы, горы Караульной, из грота Сухореченский, с горы Малой (Палкинской). В западносибирской тайге подобных комплексов, которые точнее можно назвать сборами, известно немногим меньше 10: Лозьвинский клад [Чернецов, 1953, с. 156–162], сборы с городища Ус-Нел [Бауло, 2011, с. 62–65], из района пос. Вуграсян-Вад [Старков, 1973; Бауло, 2011, с. 48], со святилища Йипыг-ойки [Бауло, 2011, с. 47]. Вероятно, к сборам такого же типа можно отнести «клад» с горы Кулайки [Чиндина и др., 1990, с. 236–237] и материалы из раскопок на Саровском культовом месте [Яковлев, 2001, с. 274]. С известной долей сомнения сюда можно отнести Мурлинский клад [Чернецов, 1953, с. 151–156; Ширин, 2014]. В последнем преобладают бронзовые наконечники стрел, хотя есть и фигуры так называемого культового литья. Общим условием нахождения этих «кладов» является их размещение на небольшой глубине или вообще на поверхности, на площади в 1–2 м². В составе преобладают культовые отливки, вещи импортного происхождения отсутствуют.

2. *Клады второй группы рубежа эр* составляют пять местонахождений, обнаруженных случайно: Истяцкий клад — около 80 ед. [Лыткин, 1890; Чернецов, 1953, с. 162–171; Федорова и др., 2016, с. 55–56], Сузгунский клад — 31 ед. [Сыркина, 1973, с. 255–260], Казымский клад — более 230 ед. [Бауло, 2016, с. 121; Шульга, Оборин, 2017, с. 84], Горно князевский клад — 25 предметов [Федорова и др., 2016, с. 80]. К этой же группе могут быть отнесены Пиковские находки [Могильников, 1969, с. 254–259]. Для этих кладов характерно наличие специальной упаковки (Истяцкий, Казымский и Горно князевский), в составе преобладают предметы импорта, в том числе достаточно дальнего, и местные подражания импортным изделиям (рис. 3). Обязательным и наиболее многочисленным атрибутом были бронзовые диски, нередко с местными рисунками-гравировками. Знаковыми находками являются бронзовые котлы.

Автономное положение среди кладов этого времени занимает клад из 54 предметов, обнаруженный при раскопках на городище Барсов Городок 1/20 под Сургутом. По мнению специалистов, украшения были сняты с ритуального костюма или богатырского облачения и закопаны на руинах городища в статусе votivного комплекса в пределах II–III вв. н.э. [Бельтикова, Борзунов, 2017]. Эксклюзивность состава и местонахождения позволяет рассматривать его как следствие конкретной ситуации, вызванной какими-то экстремальными событиями.

3. *Клады третьей группы III–VIII вв. н.э.* представляют сложные комплекты, в которых преобладающим компонентом были разнообразные предметы вооружения: наконечники стрел, копий, топоры, сабли, палаши, боевые ножи. Сейчас известно пять подобных собраний: Парабельский клад, или культовое место [Чиндина и др., 1990, с. 66; Ширин, 1990, с. 157–159], Холмогорский клад (рис. 4), или коллекция, — 193 предмета, из них почти половина — оружие [Зыков, Фе-

Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы — раннего железного века...

дорова, 2001, с. 52–53], Ишимская коллекция [Ермолаев, 1914], Елыкаевская коллекция — 72 предмета, из них 61 — оружие [Могильников, 1968], возможно, Васюганский «клад» из 17 предметов [Могильников, 1964]. Общей чертой является наличие большого количества железного оружия (за исключением Васюганского клада) и небольшой процент вещей «дальнего» импорта (рис. 5). Все комплексы, относимые к «оружейным»кладам, обнаружены случайно, вне контекста с какими-либо археологическими объектами.

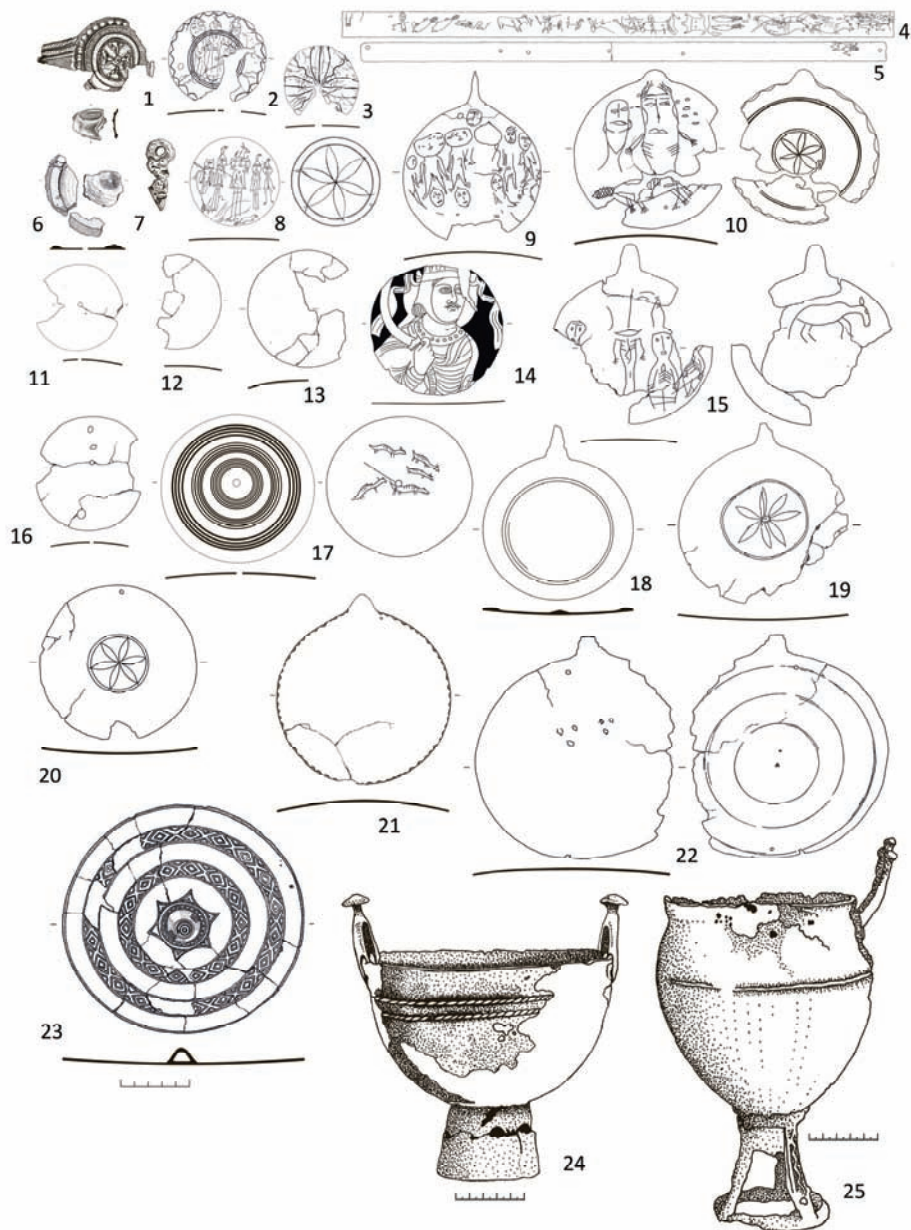

Рис. 3. Горнокнязевский клад [Федорова и др., 2016] (бронза).
Fig. 3. Gornoknyazevskiy hoard [Fedorova et al., 2016] (bronze).

Интерпретации

Все клады, несмотря на их очевидную индивидуальность, демонстрируют своеобразные серии, что указывает на некие универсалии этого феномена.

Клады бронзового века группируются в лесостепи, где в это время обитало население, оставившее памятники петровской и алакульской культур андроновской общности. Это типичные

скотоводческие культуры стабильной фазы развития Западноазиатской металлургической провинции (XVIII–XVI вв. до н.э.). Гладунинский и Андреевский клады вполне отвечают статусу «возвратных экономических кладов», хотя это лишь одна из возможных версий. Весьма несвойственное кладовой традиции собрание из двух автономных комплектов Прыговского клада, включающих вещи неутилитарного назначения (украшения, раковины) в качестве возможной модели позволяет предположить вотивный характер данного собрания, соответствующего ранней поре внедрения металла в жизнь зауральских аборигенов. Усматриваются также некоторые параллели с практикой помещения вотивных даров на территории святилища Шайтанское Озеро II [Корочкова и др., 2019, с. 92–93]. Редкость кладов бронзового века информирует об известной эгалитарности местных социумов, в рамках которых не произошло заметного имущественного расслоения и дифференциации. Об этом же, кстати, свидетельствуют и местные некрополи, которым не присущи трудозатратные сооружения и богатые захоронения.

Какую информацию несут клады раннего железного века? Заметим, что из сферы нашего внимания теперь выпадают лесостепные районы Зауралья. Здесь клады практически неизвестны, но известны «царские курганы» в которых аккумулировались исключительные богатства местной элиты¹. Подобная ситуация подтверждает универсальные тенденции в институализации богатства. В культурах степного пояса оно воплощается прежде всего в монументальных погребальных комплексах, клады на этих территориях неизвестны. А пример клада у с. Дианово показывает существование этой практики у лиц, не обладавших высоким социальным статусом.

В горно-лесном Зауралье, таежной и лесотундровой зонах Западной Сибири, где социальная дифференциация еще не приобрела столь очевидного характера, процессы депонирования развивались по иному сценарию.

В начале раннего железного века по всей лесной части Западной Сибири, от горно-лесного Зауралья на западе до Томско-Нарымского Приобья на востоке, появляются «клады» первой группы, состоящие в основном из медных/бронзовых отливок в виде антропо- и зооморфных фигур. Бронзовые фигурки не обрабатывались после отливки, не имеют следов креплений на одежду или иные предметы. Их появление связано с очередным всплеском бронзового металлопроизводства на Урале. Об этом свидетельствуют материалы иткульского горно-металлургического центра. В Западной Сибири под влиянием уральского/иткульского импульса местное население (белоярско-васюганский этап кулайской культуры) также осваивает плавку бронзы. При этом основные усилия таежных мастеров были направлены на изготовление символических изделий из дефицитного в условиях тайги металла. Общая черта «кладов» первой группы — доминирование изображений-«перевертышей». Подобная инверсия, когда в одном ракурсе это антропоморфное или древовидное изображение, а в другом — птицевидное, передает их насыщенную семантику [Викторова, 2004, с. 170–172]. Сведений о специальной упаковке вещей нет. Исследователи рассматривают их как приношения на святилища/жертвенные места. После I–II вв. до н.э. «клады» этой группы неизвестны, вплоть до этнографического времени, когда на святилища современных обско-угорских народов вновь начинают приносить отливки, но уже из свинца или олова, в виде зоо- и антропоморфных изображений [Бауло, 2002, с. 19, 26, 28, 32].

Клады второй группы (I в. до н.э. — II–III вв. н.э.) приурочены к низовьям Оби, Иртыша и Сургутскому Приобью. Для всех комплексов характерно наличие упаковки (медные котлы, деревянное вместилище), предметов дальнего импорта (серебряные медальоны парфянского или бактрийского производства, шлемы среднеазиатской работы, большое количество бронзовых зеркал «сарматского» и даже «китайского» круга).

«Клады» третьей группы (III–VIII вв. н. э.) можно назвать «оружейными» [Плотников, 1987, с. 122–124]. Они локализованы преимущественно в низовьях притоков Оби в ее среднем течении. Количество предметов в кладах от нескольких десятков до двух сотен. От 50 до 80 % составляли предметы рубяще-колющего оружия (мечи, палаши, сабли, кинжалы), наконечники копий и стрел. Кроме них во всех комплексах обнаружены бронзовые зеркала и бляхи с концентрическим орнаментом, зоо- и антропоморфные изображения, часть из которых уже имеют петли для крепления или подвешивания.

¹ Единственный известный клад в районе д. Дианово Курганской области, обнаруженный недалеко от городища гороховской культуры, представляет собой глиняный горшок, внутри которого лежали детали бронзового украшения — три цепочки на кожаных ремешках и три фигурки рыбок — типичные украшения той поры.

Рис. 4. Холмогорский клад [Зыков, Федорова, 2001]:
1–39, 54, 73, 74, 78 — бронза; 40–53, 55–72, 75–77, 79–98 — железо.

Fig. 4. Kholmogor hoard [Zykov, Fedorova, 2001]:
1–39, 54, 73, 74, 78 — bronze; 40–53, 55–72, 75–77, 79–98 — iron.

Все исследователи, занимавшиеся западно-сибирскими кладами раннего железного века, ставят вопрос об их «возвратности» и «невозвратности», а также о принадлежности — персонам или святилищам. Первая группа кладов единодушно трактуется в рамках вотивной версии. В отношении депозитариев второй группы мнения разные. В следах ям или обкладки предметов более плотным грунтом усматриваются параллели с сооружениями типа амбарчиков на современных святилищах хантов, где вотивные дары накапливались в течение длительного времени. Отсюда делается вывод об их исключительно культовом характере и о невозможности использования предметов в дальнейшем [Ширин, 1990, с. 152–153]. Аргументом в пользу этой версии является также традиция нанесения на привозные зеркала местных рисунков-гравировок. Другого взгляда на этот счет придерживается один из авторов настоящей статьи [Федорова, 2014], рассматривая подобные гравировки, широко представленные и на изделиях из рога, дерева, кости, в ином семантическом ракурсе, в том числе как своего рода исторические зарисовки персон и событий. Утверждение об исключительно культовом характере гравировок, по ее мнению, относится к всеобщему и глубокому заблуждению, обедняет интерпретации этой, столь характерной для западно-сибирского населения, изобразительной деятельности.

Удивительно единодушны исследователи в трактовке «оружейных» кладов третьей группы, считая их преимущественно невозвратными. Главным аргументом «невозвратности» является наличие большого количества железного оружия (50–80 %), которое в результате нахождения в земле может потерять свои качества. Они рассматриваются как «заместительные захоронения» (А.П. Зыков о Холмогорском комплексе — см.: [Зыков, Федорова, 2001, с. 56–63]), «потлачевидные жертвы» на святилище, связанные с различными культами: от культа бога-всадника Мир-Сусне-Хума до митраистских культов [Ширин, 1990, с. 162]. Основаниями для объяснений служат, как правило, этнографические свидетельства XVIII–XIX вв. о хранении и об использовании железного оружия на святилищах обских угров [Плотников, 1987, с. 125]. Исключительно культовый уклон в объяснении «оружейных» кладов представляется спорным. В качестве одной из версий может быть предложена гипотеза «священного арсенала», что отражает реакции местного социума на явное нарастание военной напряженности. Археологически это выразилось в появлении многочисленных городков и выделении специальной прослойки военной элиты, которая контролировала пушной промысел, обеспечивала сопровождение торговых операций. В этих условиях особое значение в системе жизнеобеспечения местных обществ приобретает военная подготовка. Важными были навыки владения оружием ближнего боя — мечами, палашами и т.д. Известно, что такая подготовка всегда и у всех народов занимала много времени, начинаясь буквально с «младых ногтей». Есть основания полагать, что передача ценной информации в такой форме приобретала статус эзотерической и проводилась на специальных площадках, которые обладали особым автономным статусом. Такая трактовка опирается на сведения авторов XVIII–XIX вв., упоминавших о размещении своего рода казны, в том числе оружейной, в «кумирнях» [Плотников, 1987, с. 135].

Подобный клад-арсенал был обнаружен при раскопках Надымского городка на р. Надым. Он включал 125 предметов, среди которых сабли, палаши, боевые ножи, клевец и копье, боевые топоры, втоки и фрагменты кольчуги [Кардаш, 2009, с. 154–160]. Приведенную параллель, несмотря на существенный хронологический разрыв, считаем вполне допустимой. Во-первых, это явно «возвратный» клад, а не жертва на святилище. Во-вторых, так же как и в средневековых кладах, почти все предметы вооружения без рукоятей. В-третьих, они были найдены через 300 лет после сокрытия, но имеют удовлетворительную сохранность и пригодны для использования. О том, что постоянные тренировки будущих и настоящих воинов были делом обычным, есть приводимые для селькупов данные Г.И. Пелих [1981, с. 141].

В дальнейшем кладовая традиция в Западной Сибири будет продолжена и станет отражением сложившихся в средние века торговых связей, новых предпочтений в престижности вещей, среди которых особое место займет серебряная посуда. Среднее Зауралье, судя по археологическим данным, в средние века было исключено из активных коммуникаций, здесь проживало крайне немногочисленное население, слабо представленное в археологических источниках.

Заключение

Анализ различных контекстов, состава, датировок позволяет усматривать некие общие и специфические черты динамики кладовой традиции за Уралом. Общей чертой является ярко выраженный вотивный характер первых депонированных собраний, что соответствует ирра-

циональному отношению к металлу на первых порах его внедрения в культуру населения. Хотя не исключено, что некоторые из них — индикатор наметившегося расслоения в локальных общинах. Обычай отчуждения металла в погребальную сферу также коррелируется с малым количеством кладов в лесостепном и степном регионах и выступает своего рода универсальной чертой. Так, подавляющая часть (96 %) известного металла синташтинской культуры сосредоточена в погребениях [Десярева, 2010, с. 81].

Самые ранние клады эпохи железа также соответствуют взрывной поре внедрения металла в жизнь таежных охотников и рыбаков. После длительного периода стагнации Средний Урал переживает своего рода «металлургическую революцию», которая археологически документирована артефактами и контекстами иткульского горно-металлургического центра. Кардинальная смена образа жизни, в основе которого лежали преобразовательные технологии добычи руды и производства металла, изменили мифологическую картину мира уральских аборигенов. Это нашло отражение не только в появлении новых образов/символов, но и в мифоритуальной практике, воплощенной в святилищных комплексах/кладах. Западная Сибирь, которая, по сути, вступила в истинную эпоху металла в I тыс. до н.э., при отсутствии собственного сырья, также демонстрирует явное преобладание металла в символической сфере. Наиболее ярко этот феномен передает металлическая пластика сакрально-производственного центра Усть-Полуй [Федорова, 2017, с. 114–123].

К рубежу эр в западно-сибирской тайге происходят существенные перемены, вызванные становлением оленеводства, пушной торговли, новых коммуникационных коридоров. Заметное значение приобретают дальние меридиональные связи с южными землями, по которым проходили ответвления Великого шелкового пути, о чем незамедлительно сообщает состав кладов этого времени. Показательна своего рода символическая триада подобных кладов, включающих предметы прикамского, в меньшей степени причерноморского и южно-европейского, а также ближневосточного — бактрийского и парфянского производств. Это уже действительно клады, ориентированные на открытие престижных и ценных вещей. В их формировании могли принимать участие и представители аборигенного населения, и участники военно-торговых экспедиций, связанные своим происхождением с более отдаленными территориями. Повторяющиеся знаки — импортные вещи, а также местные подражания им сообщают об установлении протяженных и прочных трансконтинентальных торговых связей и о глубокой культурной интеграции.

«Оружейные клады» явственно передают основные приоритеты эпохи, связанные с формированием военной верхушки и особым статусом военных занятий, отражают нарастание военной напряженности, обусловленной борьбой за контроль над промысловыми территориями и торговыми путями.

Определенную информацию несет и география кладов раннего железного века. Так, торговые клады локализованы в местах слияния крупных сибирских рек. Позднее именно здесь возникнут знаменитые торговые ярмарки. Оружейные клады приурочены к определенным археологическим объектам, что указывает на их связь с конкретными социумами.

Символический характер основных предметов кладов говорит об их невозвратности, а утилитарный, в нашем случае оружейный, как раз является показателем их возвратности и иного уровня «отношений» человека с престижными предметами. Если раньше они предназначались богам, то теперь — человеку, что свидетельствует о существенных переменах в стратегиях жизнеобеспечения, социальном устройстве, мифологии и мировоззрении человека дописьменной поры севера Западной Сибири.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бауло А.В. Культурная атрибутика березовских хантов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 92 с.
- Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.
- Бауло А.В. «Старик священного города»: Иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2 (44). С. 118–128.
- Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 162–186.

- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А.* Уникальный кулайский клад в Сургутском Приобье // РА. 2017. № 4. С. 124–141.
- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Викторова В.Д.* Клады на вершинах гор // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2004. С. 158–173.
- Гусев Ан.В., Плеханов А.В., Федорова Н.В.* Оленеводство на севере Западной Сибири: Ранний железный век — средневековье // Археология Арктики. Калининград: ИД «РОС-ДООАФК», 2016. Вып. 3. С. 228–239.
- Деятарева А.Д.* История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
- Ермолаев А.* Ишимская коллекция. Красноярск: Тип. б. М.И. Абалакова, 1914. 20 с.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.
- Кардаш О.В.* Надымский Городок в конце XVI — первой половине XVIII веков: История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А.* О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира // УИВ. 2015. № 3 (48). С. 96–107.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А., Стефанов В.И.* Прыговские находки // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2017. Т. 5. № 1. С. 63–72.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А.* Среднее Зауралье в контексте Западноазиатской металлургической провинции: Феномен коптяковской культуры // Stratum plus. 2019. № 2. С. 61–107.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А.* Гладунинский клад эпохи бронзы // УИВ. 2013. № 2 (39). С. 129–136.
- Лыткин Н.А.* Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип. Тоб. губ. правления, 1890. 17 с.
- Могильников В.А.* Васюганский клад // СА. 1964. № 2. С. 227–231.
- Могильников В.А.* Елыкаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. № 1. С. 263–268.
- Могильников В.А.* Находки из села Пиковка // СА. 1969. №3. С. 254–259.
- Пелих Г.И.* Селькупы XVII века: (Очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. 175 с.
- Плотников Ю.А.* «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 120–155.
- Савинов Д.Г.* О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013. № 2 (8). С. 5–16.
- Старков В.Ф.* Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 208–219.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 108 с.
- Сыркина И.А.* О бронзовых пластинах Истяцкого и Сузгунского кладов // СА. 1973. № 4. С. 255–260.
- Федорова Н.В.* Рисунки на металле: Графическое искусство населения Севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 90–99.
- Федорова Н.В.* Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики. Вып. 4: Усть-Полуй: Материалы и исследования: Коллективная монография: В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 104–126.
- Федорова Н.В., Гусев Ан.В., Подосенова Ю.А.* Горноknязевский клад. Калининград: РОС-ДООАФК, 2016. 80 с.
- Челякин Ю.П., Кузьминых С.В.* Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Твер. археол. сборник. Тверь: Твер. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей, 2011. С. 43–74.
- Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. М.: Наука, 1953. № 35. С. 121–178.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И.* Археологическая карта Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. Т. 1. 339 с.
- Ширин Ю.В.* К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 152–162.
- Ширин Ю.В.* Мурлинский «клад» — состав находок и их аналогии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2014. Вып. 12. С. 95–110.
- Шульга П.И., Оборин Ю.В.* Бронзовые диски из Казымского клада и восточные зеркала-погремушки // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Изд-во ТГУ, 2017. Вып. 15. С. 84–123.
- Яковлев Я.А.* Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. 274 с.

O.N. Korochkova, N.V. Fedorova

Ural Federal University
Mira st., 19, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation
Arctic Research Center
Republic st., 20, Salekhard, 629008, Russian Federation
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru;
mvk-fedorova@mail.ru

URAL AND WEST SIBERIAN HOARDS (BRONZE AGE — EARLY IRON AGE): COMPOSITION, CONTEXT AND INTERPRETATION

The present article analyses the hoards of the Bronze Age – Early Iron Age discovered in the forest-steppe and mountain-forest of the Trans-Urals, as well as the Middle and Lower Ob areas. Only three hoards dating back to the Bronze Age have been discovered: Andreevo, Prygovsky and Gladunino. By the Ural-Siberian standards, these are considerable collections consisting of metal-intensive symbolic objects (celts, knives, sickles). The hoards are grouped in the forest-steppe area, where the population of the Petrovo and Alakul cultures of the Andronovo community lived at that time (first half of the 2nd millennium BC). Conversely, hoards dating back to the Early Iron Age are localised in the taiga zone. Being characterised by a distinctive composition and definite chronological contexts, these hoards reflect profound changes in the lifestyle of Siberian aborigines caused by the widespread introduction of metal, the development of reindeer herding, new communication corridors and fur trade. The first group is represented by hoards that comprise symbolic metal items dating back to the second half of the 1st millennium BC (Azov Mountain, Karaulnaya Mountain, Lozvinsky, etc.). Sometimes they are accompanied by arms (arrowheads and chopping weapons). This group of hoards is unanimously considered to be votive in character. The hoards of the second group (from the 1st century BC to the 2nd–3rd centuries AD) are confined to the lower reaches of the Ob and Irtysh, as well as the Surgut Ob area (Istyatsk, Kazym and Gornoknyazevsk). They are characterised by the presence of bronze cauldrons or other packaging, items of long-distance import (Parthian or Bactrian silver medallions; helmets made in Central Asia; a large number of Sarmatian and even Chinese bronze mirrors, often with engraved local images). Hoards of that period, aimed at hiding prestigious and valuable things, are seen as retrievable. Hoards belonging to the third group (3rd–8th centuries AD) can be referred to as weapon hoards (Parabel, Kholmogory, Ishim, etc.). They are localised mainly in the lower tributaries of the Ob in its middle course. They predominantly consisted of various weapons: arrowheads, spears, axes, sabres, broadswords, combat knives. In addition, bronze mirrors and plates having concentric ornaments, zoomorphic and anthropomorphic images were found in all complexes. Weapon hoards, interpreted as sacred arsenals, reflect the dominant priorities of that time (formation of the military elite; a special status of military practices) and growing military tensions caused by the struggle for control over the foraging territories and trade routes.

Key words: Ural, Western Siberia, Bronze Age, Early Iron Age, votive hoards, armory hoards, trade hoards.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-017-028

Funding. This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research No. 18-09-40011.

REFERENCES

- Baulo A.V. (2002). *Cult symbols of Berezovsky Khanty*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Baulo A.V. (2011). *The Ancient bronze of the ethnographic complexes and random fees*. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk. (Rus.).
- Baulo A.V. (2016) «The Old Man of the Sacred Town»: Ancient and Recent Representations of a Bear-like Deity from the Lower Ob, Northwestern Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 44(2), 118–128. (Rus.).
- Bell'tikova G.V. (2005). Environment of formation and sites of the Trans-Ural (Itkul) hearth of metallurgy. In: *Arkheologiya Urala i Zapadnoi Sibiri* (pp. 162–186). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (Rus.).
- Bell'tikova G.V., Borzunov V.A. (2017). A Unique Kulay Hoard in the Surgut Ob Area. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 124–141. (Rus.).
- Brei U., Tramp D. (1990). *Archaeological dictionary*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Chemyakin Y.P., Kuz'minyh S.V. (2011). Metal ornithomorphic images of the early iron age of Eastern Europe, the Urals and Western Siberia (forest and forest-steppe zones). In: *Tverskoj arheologicheskij sbornik* (pp. 43–74). Tver': Tverskoj gosudarstvennyj ob"edinennyj istoriko-arhitekturnyj i literaturnyj muzej. (Rus.).
- Chernecov V.N. (1953). Bronzes of Ust-Poluy time. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, (35), 121–178. (Rus.).
- Chindina L.A., YAKovlev Ya.A., Ozheredov Yu.I. (1990). *Archaeological map of the Tomsk region*. Tomsk: Tomskii universitet. (Rus.).
- Degtyareva A.D. (2010). *History of metal production in the Southern Trans-Urals in the Bronze Age*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

- Ermolaev A. (1914). *Ishim collection*. Krasnoiar'sk: Tipografiya M.I. Abalakova. (Rus.).
- Fedorova N.V. (2014). Drawings on metal: Graphic art of the population of the North of Western Siberia and the Urals. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 57(1), 90–99.
- Fedorova N.V. (2017). Zoomorphic code of Ust'-Poluy. In: O.N. Korochkova (Ed.). *Arheologiya Arktiki*, (4). *Ust'-Poluj: Materialy i issledovaniya*, 2 (pp. 104–126). Ekaterinburg: Delovaya pressa. (Rus.).
- Fedorova N.V., Gusev An.V., Podosenova Yu.A. (2016). *Gornoknyazevo hoard*. Kaliningrad: ROS-DOAFK. (Rus.).
- Gusev An.V., Plekhanov A.V., Fedorova N.V. (2016). Reindeer Herding in the North of Western Siberia: The Early Iron Age — the Middle Ages. In: *Arkheologiya Arktiki*, (3) (pp. 228–239). Kaliningrad: ROS-DOAFK. (Rus.).
- Kardash O.V. (2009). *Nadym Town in the end of XVI — first half of XVIII centuries. History and material culture*. Yekaterinburg; Nefteugansk: Magellan. (Rus.).
- Korochkova O.N., Spiridonov I.A. (2015). On the innovations in the subsistence harvesting cultures of the Ural and Western Siberia. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, (48), 96–107. (Rus.).
- Korochkova O.N., Spiridonov I.A., Stefanov V.I. (2017). The Prygovo Finds. *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*, (5), 63–72. (Rus.).
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., Spiridonov I.A. (2019). The Central Trans-Urals in the Context of the Western Asian Metallurgical Province: The Koptyaki Culture Phenomenon. *Stratum plus*, (2), 61–107. (Rus.).
- Korochkova O.N., Stefanov V.I., Usachev E.V., Khanov S.A. (2013). Gladunino hoard of the Bronze Age. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2(39), 129–136. (Rus.).
- Lytkin N. A. (1890). *Archaeological Department of the Tobolsk provincial Museum*. Tobol'sk: Tip. Tobol'skogo Gub. Pravleniya. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1964). Vasyugan hoard. *Sovetskaya arheologiya*, (2), 227–231. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1968). Elykaev collection of Tomsk University. *Sovetskaya arheologiya*, (1), 263–268. (Rus.).
- Mogil'nikov V.A. (1969). Finds from the village Pikovka. *Sovetskaya arheologiya*, (3), 254–259. (Rus.).
- Pel'ih G.I. (1981). *Selkups of the XVII century: (Essays on socio-economic history)*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Plotnikov Yu.A. (1987). «Hoards» of the Ob Area as a historical source. In: *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoj Azii* (pp. 120–155). Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Savinov D.G. (2013). Two ways of bronze products type Seima on the East. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij*, (8), 5–16. (Rus.).
- Shirin Yu.V. (1990). To the history of «cult places» of Western Siberia. In: *Arheologicheskie issledovaniya v Srednem Priob'e* (pp. 152–162). Tomsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Shirin Yu.V. (2014). Murlino «hoard» — the composition of finds and their analogues. In: *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*, (12) (pp. 95–110). Tomsk; Hanty-Mansijsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Shul'ga P.I., Oborin Yu.V. (2017). Bronze disks from the Kazym Hoard and Eastern mirrors-rattles. In: *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo*, (15) (pp. 84–123). Tomsk; Hanty-Mansijsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Starkov V.F. (1973). New findings of flat casting in the Lower Ob area. In: *Problemy arheologii Urals i Sibiri* (pp. 208–219). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Stefanov V.I., Korochkova O.N. (2000). *Andronovo antiquities of Tyumen's Tobol*. Yekaterinburg: Poligrafist. (Rus.).
- Syrkina I.A. (1973). On bronze plates of Istyackogo and Suzgun'skogo hoards. *Sovetskaya arheologiya*, (4), 255–260. (Rus.).
- Viktorova V.D. (2004). Hoards on the mountain tops. In: V.D. Viktorova, N.V. Fedorova, V.N. Shirokov (Eds.). *Sacral monuments of mountain-forest Urals* (pp. 158–173). Yekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAN. (Rus.).
- Yakovlev Ya.A. (2001). *Illustrations to unwritten books: Sarov sacral place*. Tomsk: Tomskij universitet. (Rus.).
- Zykov A.P., Fedorova N.V. (2001). *Kholmogorsky hoard: Collection of antiquities III–IV centuries*. Yekaterinburg: Sokrat. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 15.04.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019